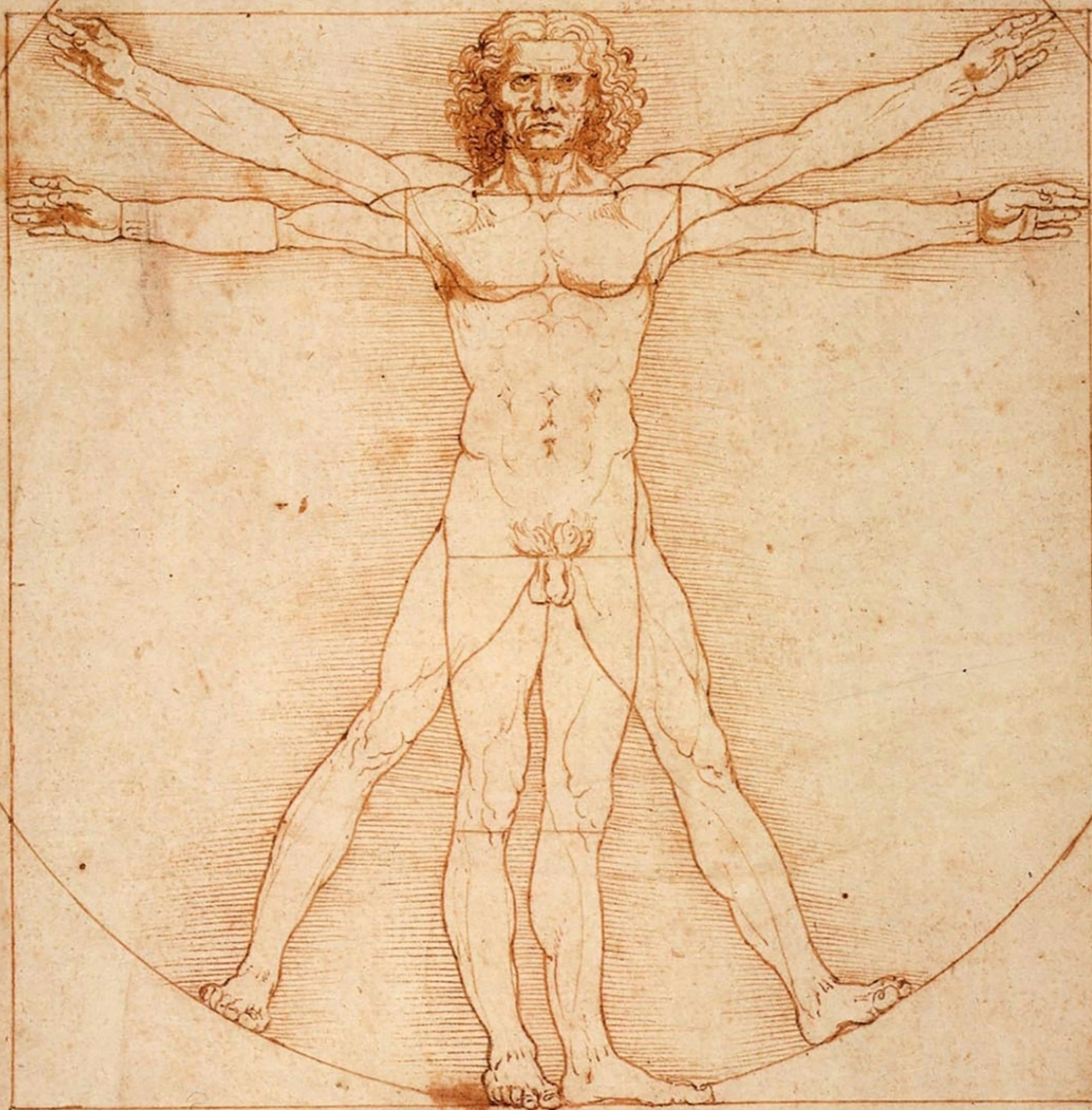

Константин Подборнов

Хельхаммер

Handwritten text in a cursive script, likely a Latin or German manuscript, located below the anatomical drawing. The text is arranged in several lines and includes a small table with vertical tick marks at the top left.

18+

Константин Подборнов

Хельхаммер

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Подборнов К. А.

Хельхаммер / К. А. Подборнов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Группа ученых приезжает на раскопки комплекса подземных лабораторий, но экспедиция терпит крах и ее участники оказываются заперты в холодных и темных коридорах без еды, воды и приемлемого источника света.

Голос из динамиков диктофона: – Запись номер один. Дата: четвертое мая тысяча девятьсот девяностого года.

Я, Вольфганг Герцен, в сопровождении исследовательской группы – Фридриха Дёница, Густава Маннергейма и лаборанта Карла Гоббштейна, ожидаем окончания взрывных работ около заваленного входа в лабораторию, расположенную по правую сторону от треугольного периметра бывшего концентрационного лагеря Заксенхаузен; Ораниенбург, Германия. Освобожденный советскими войсками, он долгое время оставался неисследованным, а зимой сорок пятого, по слухам, в связи с пугающими инцидентами неясной природы был взорван вход в недавно обнаруженный комплекс подземных сооружений. Теперь, когда ФРГ и ГДР, являются единым государством, мы наконец получили возможность досконально исследовать объект. От себя добавлю, что, если бы не узколобость советского правительства...

– Что ты там бубнишь? – послышался шипящий голос Гоббштейна вдалеке

– Составляю отчет. А ты мне испортил запись.

– Да ладно тебе. – **его голос все приближался и приближался** – Что с того, если все равно по возвращению перепечатывать руками?

– Я бы посмотрел, как ты пытаешься вытянуть крупицу полезной информации среди тонны пустого трепа, когда поздно ночью слушаешь эти бессмысленные разговоры, пока твои глаза всё тяжелеют и тяжелеют. Если хочешь получить мою рекомендацию, советую закрыть рот и впредь не мешать мне заниматься работой.

– У вас все еще горит красная лампочка.

– Ой...

– Запись номер два. Дата: пятое мая девяностого года. Ночь.

Я проснулся от шума. Дёниц и Маннергейм, спавшие со мной в палатке тоже его слышали. Он был похож на заглушенные удары металлических предметов друг от друга. Списываем его на ночную подготовку ко взрыву. Комментарий:

Хоть это и мелочь, но я решил включить это в отчет... на случай чрезвычайного происшествия – чтобы ускорить расследование причин его возникновения. Утром нужно будет спросить у рабочих причастны ли они к этому. Выходить из палатки сейчас слишком холодно.

– Запись номер три. Пятое мая девяностого года. Обед.

Рабочие не причастны к ночному шуму. Бригадир сказал, что это могут прогибаться металлические опоры. Судя по всему, наша палатка располагалась как раз над помещением лабораторий. Как мне объяснили, шум появляется из-за перепада температур и расширения металла, и эхо этих процессов доходит до нас, но почему-то меня теперь не покидает ощущение, что входит внутрь, а тем-более взрывать вход, небезопасно.

– Запись номер четыре. Пятое мая девяностого года. Шесть часов вечера.

Как бы то ни было взрыв прошел успешно. Около пяти вечера был подорван заряд, а к этому времени уже осела пыль. Несмотря на некоторый страх того, что конструкция обвалится, меня трясет от нетерпения. Прямо сейчас я вместе со своей группой стою перед открывшимся нам входом в непроглядный темный коридор комплекса.

В диктофоне послышался крик Гоббштейна, а через время донеслось громкое эхо.

С кем мне приходится работать... Давайте! Кто еще хочет покричать? Может на голове постоим? Здесь же у нас детский садик, а не место где оборвались десятки тысяч жизней.

С полминуты из диктофона доносилось лишь негромкое шипение.

И на том спасибо... И вот, мы стоим на пороге ужасающих, и удивительных открытий. Совсем скоро мы узнаем, для чего были нужны эти лаборатории, и почему их завалили. Взяв с собой бутерброды и несколько флуоресцентных палочек, мы ступаем в эту бездну.

– Пятая запись. Пятое мая девяностого года. Время – неизвестно

Все пошло не по плану...

– Не по плану?! – **Кричал Дёниц** – И это у тебя не по плану?! Нас завалило, идиот! Это далеко уже не по плану. Точнее, совсем чуточку. И правда, что-то я распереживался – подкорректируем график и к обеду вернемся в рабочее русло...

– Да, согласен, ситуация неприятная, но не нужно поддаваться панике. Снаружи бригада взрывателей. Они нас спасут.

– Тогда нам нужно отойти от завала, нас может зацепить взрывом.

– Никто ничего не будет взрывать. – **Тихим голосом сказал Маннергейм** – Один обвал уже случился – никто не станет рисковать похоронить нас заживо под вторым.

– Нужно сохранять спокойствие и просто ждать спасения. Нас никто не завалит, это понятно? – **Уверенным голосом сказал Герцен, но затем едва слышным шепотом и прижав диктофон поближе протрусил** – У меня же было предчувствие. Почему я ему не доверился? Идиот. Прав Дёниц. Надо было подождать, но нет, потянуло меня вести всех внутрь... Это точно не войдет в отчет.

– Шестая запись. Думаю, уже шестое мая. Время – неизвестно.

Прошло уже очень много времени, а звуков снаружи все не слышно. Видимо завал оказался больше, чем мы думали. Бутерброды закончились, и Маннергейма все нет. Ему стало очень надо... по большому. Мы отправили его вглубь коридора со светильником, но уже прошел час. Гоббштейн и Дёниц все подшучивают над ним, но у меня по этому поводу очень нехорошее предчувствие. И кроме того, эти двое зажгли еще одну палочку пока я не видел. У нас их не так много, чтобы позволять такое расточительство. Ситуация накаляется.

– Седьмая запись. Шестое мая. Время – неизвестно.

Маннергейм вернулся спустя около двух часов. Он был сильно напуган. Сказал, что услышал какой-то скрежет металла, который он описывает как адский, до омерзения противный, лязгающий, словно кто-то шагает по коридорам в тяжелых железных сапогах. Он заперся в комнате, где делал свои дела и вышел оттуда только тогда, когда шум прекратился.

На заднем фоне слышались смешки, а Маннергейм попросил стереть эту запись.

Прижав Диктофон к груди Герцен шептал:

– Я рассказал ему то, что рассказали мне рабочие, якобы это просадки металлических опор. Не знаю, игра ли это его воображения, или там в темноте действительно что-то есть, но сквозь смешки Дёница и Гоббштейна я чувствую дрожь в их голосах. Им, как и мне, стало страшно... Нельзя подавать виду. Хотя кто-то из нас должен сохранить остатки здравомыслия. Это просто сказывается долгое пребывание в темноте и голод. Очень сильный... Я хочу есть.

– Запись номер восемь. Не знаю, вроде бы тот же день. Время – неизвестно.

Было принято решение сидеть в темноте, чтобы сэкономить палочки на случай крайней необходимости. – **Герцен снова перешел на шепот** – Как будто бы, когда долго сидишь в темноте остальные чувства обостряются. Действительно, там в глубине коридоров регулярно тихо слышится что-то похожее на шаги. По крайней мере ритмика та же. Но все же я стараюсь подходить к этому разумно, ссылаясь на игру воображения. Однако я заметил, что никто,

включая меня, не говорит громко. Я в это не верю, но пусть лучше я буду жить глупцом, чем умру скептиком... Люди пытаются отвлечься, ведут разговоры ни о чем.

Герцен поднес диктофон поближе к группе

– Почему ты так стремишься именно в нашу группу? – спросил Дёниц у Гоббштейна – Это как-то связано с тем, что ты еврей? Ну, я это к тому, что была куча мест, куда можно было отправиться практиковаться, но ты выбивался именно сюда. Нам и лаборант-то не нужен был.

– Что-то вроде этого. Мой дед... и моя бабушка – Михаил и Марта Гоббштейны, были заключенными этого лагеря. Никто в семье не знает, что с ними случилось, а я узнал о них все, что мог, но вышло очень немного. Удалось узнать только, что когда немецкие войска вошли в Польшу их отправили сюда по какому-то особенному случаю. В военном архиве я нашел акт приемки их в эти застенки, но никаких свидетельств об их смерти, или о том, что здесь происходило просто нет. И теперь я, кажется, понимаю почему. Они были не в самом лагере, а, скорее всего, в этой лаборатории. Естественно, что они не выжили, но мне хотя бы хочется узнать, чего ради они здесь умерли.

– Да уж, лучше бы я не спрашивал. Стало еще омерзительнее здесь находится... Может Анекдот кто знает?

– Запись номер девять. Дата – неизвестна, время – не имеет значения.

Вчера Гоббштейн и Дёниц подрались из-за анекдота про евреев. В темноте трудно сказать, но похоже у обоих обширные гематомы. Я сказал Гоббштейну, что рекомендаций он не получит, но, кажется ему это уже не важно. Маннергейм ушел в молчание. Слышно только, как урчит его живот. Похоже, у меня остался лишь один адекватный собеседник – мой диктофон... Зашёл разговор о консервах, которые тут могут быть, но какой в них смысл? Им сорок пять лет... Еще очень хочется спать... Не выходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.